

НИК ШОН КЕЙВ О'ХАГАН

ВЕРА,
НАДЕЖДА,
РЕЗНЯ

УДК 78
ББК 85.313(3)
К 33

Nick Cave, Seán O'Hagan
FAITH, HOPE AND CARNAGE
Copyright © Lightning Ltd (on behalf of Nick Cave)
and Seán O'Hagan, 2022
All rights reserved
Published by arrangement with Canongate Books Ltd and The Van Lear
Agency LLC

Перевод с английского Алексея Блохина

Серийное оформление Андрея Рыбакова

Оформление обложки Валерия Гореликова

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Кейв Н., О'Хаган Ш.

К 33 Вера, надежда, резня : интервью / Ник Кейв, Шон О'Хаган ;
пер. с англ. А. Блохина. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус,
2025. — 432 с.

ISBN 978-5-389-25131-1

«Вера, надежда, резня» — книга о внутренней жизни Ника Кейва.

В основу издания легли десятки и сотни часов разговоров по душам с журналистом Шоном О'Хаганом. Это глубокое, вдумчивое исследование корней, питающих жизнь и творчество знаменитого музыканта.

От первого лица и без утайки, в диапазоне от детских лет до наших дней, Ник обсуждает вопросы искусства и веры, музыки и свободы, любви и скорби, свою рабочую этику, а также случившуюся с ним в последние годы драматичную трансформацию.

«Вера, надежда, резня» — это протянутая рука помощи, предложение надежды и вдохновения от подлинного визионера.

«Подобно самой музыке Ника Кейва, эта книга проберет вас до костей, но вы почувствуете себя живым» (*Pitchfork*).

Впервые на русском!

УДК 78
ББК 85.313(3)

ISBN 978-5-389-25131-1

© А. Б. Блохин, перевод, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2025

Издательство КоЛибри®

Моей семье
Н. К.

Кирану
Ш. О'Х.

И малое дитя будет водить их.

Исаия 11: 6

1. Прекрасная свобода

Шон О'Хаган. *Я удивлен, что ты согласился на это, притом что уже давно не даешь интервью.*

Ник Кейв. Ну да, кому нужны интервью? Обычно интервью — это отстой. Правда! Они съедают тебя живьем. Я их ненавижу. Все эти поводы так унижительны: у тебя вышел новый альбом, или нужно разрекламировать новый фильм, или продать книгу. Через некоторое время ты сам устаешь от своей истории. Однажды я вдруг осознал, что бесконечные интервью не приносят мне никакой пользы. Наоборот, они всегда что-то у меня отнимали. Каждый раз надо было восстанавливать силы. Снова искать себя, что ли. Так что лет пять назад я от них просто отказался.

И как ты относишься к этой затее?

Не знаю. Я люблю беседовать. Люблю говорить, общаться с людьми. И у нас с тобой всегда были длинные беседы обо всем сразу, так что, когда ты это предложил, мне стало любопытно — что получится. Посмотрим, а?

Когда мы разговаривали в марте [2020 г.], у тебя только что отменилось мировое турне из-за пандемии. Должен сказать, настроен ты был на удивление философски.

Это действительно было странное время. Когда разразился ковид и мой менеджер Брайан сказал, что мы не поедem в тур, у меня будто земля ушла из-под ног. Все мы вложили массу труда, готовя концертное исполнение альбома «Ghosteen»: репетировали с десятью бэк-вокалистками и придумали для нашего шоу совершенно уникальное визуальное решение. Неимоверные затраты — физические, интеллектуальные, денежные. Поэтому, когда я узнал, что все это уже точно не состоится, сперва пришел в ужас. Известие поразило меня в самое сердце, потому что я гастролирующий артист. В этом моя сущность.

Я говорю все это очень осторожно, потому что знаю, как были разочарованы фанаты, но, честно признаться, ощущение полного коллапса длилось, ну... около получаса. Помню, как потом стоял в кабинете моего менеджера и несколько виновато думал: «Блин! Я не поеду в тур. Может быть, даже целый год». Внезапно я испытал необычайное облегчение, нахлынула какая-то волна, почти эйфория, но и нечто большее — сумасшедшая энергия.

Может быть, чувство открывшейся перспективы?

Да, реальной перспективы. Звучит смешно, но это была перспектива бездействия. Не возможность что-то сделать, а возможность чего-то не делать. Я вдруг осо-

знал, что могу просто побыть дома со Сьюзи, моей женой, и это уже было замечательно, потому что мы всегда измеряли наши отношения моими отъездами и приездами. Теперь я мог проводить время с детьми или просто сидеть в кресле на балконе и читать книги. Как будто кто-то мне разрешил просто быть, а не делать.

И по мере того, как это продолжалось, возникало ощущение, что время вышло из-под контроля, дни стали просто сливаться друг с другом. Ты это чувствовал?

Да, время словно изменилось. Может, так говорить и неправильно, но в каком-то смысле я очень полюбил эту вдруг возникшую странную свободу. Мне нравилось просыпаться утром и еще один день просто существовать, ничего не делая. Телефон замолчал, и очень скоро мои дни стали похожи один на другой — прекрасная повторяемость. Как будто вернулось наркоманское прошлое: ритуал, рутина, привычка.

Сейчас я говорю так, хотя прошлый тур, в поддержку альбома «Skeleton Tree», был одним из определяющих в моей карьере. Просто выходить каждый вечер на сцену и ощущать всю эту неистовую энергию публики... Эту необыкновенную химию. Такое чувство может изменить всю жизнь, даже, пожалуй, спасти жизнь! Но также все это очень изматывало — физически и морально. Поэтому, когда последний тур отменился, моя первоначальная досада обернулась облегчением и, да,

какой-то странной и необъяснимой надеждой. Неудобно так говорить: я же знаю, какой трагедией стала для многих пандемия.

Судя по нашим тогдашним разговорам, ты еще раньше понял, что изоляция будет временем для размышлений.

Я это инстинктивно почувствовал. Мне казалось неправильным устраивать онлайн-трансляцию, сидя в пижаме, на кухне, или из ванной, или что там еще тогда делали некоторые артисты... все эти безвкусные и демонстративные проявления солидарности. Мне казалось, что настал момент сесть и просто подумать. Я чувствовал, что мир меня смирил. То ковидное лето я провел в странных размышлениях. Никогда не забуду, как сидел на балконе, много читал, работал над новым материалом, отвечал на вопросы в моем блоге «The Red Hand Files». Интересное было время, несмотря на постоянный фон тревоги и страха.

Помню, как мы разговаривали по телефону в самом начале пандемии и ты сказал: «Это серьезно».

Да, вроде бы я тогда что-то прочел — и вдруг осознал огромную силу вируса, то, насколько мы все уязвимы и каким неподготовленным оказалось общество. Эта невидимая штука за дверью изрядно нас с тобой напугала. Да и вообще, все были напуганы. Как будто вправду наступил конец времен, а мир был застигнут врасплох. Такое ощущение, что, какова бы ни была наша привычная жизнь, вдруг сверху протянулась невидимая рука и вырвала из нее огромный кусок.

Похоже на концепцию прерванного повествования, ты об этом говорил применительно к написанию песен: и тематика, и смысл твоих поздних песен стали как будто ускользающими, не такими прямолинейными.

Совершенно верно. Мои песни определенно стали абстрактней, если можно так сказать, и да, традиционного нарратива в них меньше. В какой-то момент я просто устал писать песни от третьего лица, рассказывающие связную историю, послушно движущуюся от начала к финалу. Я усомнился в этой форме. Мне стало казаться нечестным все время навязывать людям такой подход. Какая-то тирания, право слово. Будто я прятался за этими аккуратными, ухоженными рассказами, поскольку сам боялся того, что во мне кипит. Хотелось писать песни более правдивые, что ли, отражающие мои переживания.

В частности, ваши недавние переживания?

Да. Было ощущение какого-то крушения, как и у большинства людей. Но с моей личной точки зрения проживать свою жизнь внутри аккуратного повествования уже не имело особого смысла. Погиб Артур¹, и все изменилось. Это чувство утраты, прерванной жизни пронизывало все вокруг.

Да, мне тяжело туда возвращаться, но в какой-то момент поговорить об этом необходимо, потому что именно утрата сына определяет меня теперь.

¹ 14 июля 2015 г. пятнадцатилетний сын Ника Кейва Артур погиб в Брайтоне, упав с прибрежной скалы.

Я абсолютно понимаю. Итак, рассказать в песне простую историю, какой бы драматичной она ни была, стало для тебя в целом не так важно?

Да, но я не отошел от песен описательных; просто сюжетные линии сделались более закрученными, искаженными — сама форма стала изломанной, болезненной. Теперь моя музыка отражает жизнь такой, какой я ее вижу.

Тем не менее песни с нескольких последних альбомов по-прежнему являются повествовательными, только повествование пропущено через мясорубку. «Ghos-teen», например, тоже рассказывает историю. Или даже излагает некий эпос о потерях и скорби, но он разорван на части, перемолот.

Это совсем другой тип повествования, гораздо более амбициозный, даже концептуальный.

Да. Принципиально другой. В этих песнях нет ничего линейного. Они меняют направление, или прерываются, или даже распадаются прямо на глазах. Песни существуют по своим собственным причудливым законам.

Мне кажется, некоторые фанаты не совсем довольны тем, куда ушла твоя музыка.

Да, безусловно, некоторые давние фанаты хотят, чтобы я снова начал писать «настоящие» песни, но не думаю, что это произойдет в ближайшее время. Есть глубокая ностальгия по старым песням, и она ходит за

нашей группой хвостом. Похоже, *Bad Seeds* существуют так долго и претерпели столько изменений, что кто-то очень привязался к прошлому или, точнее, к своему собственному прошлому, так сказать, к старым добрым денькам. Поэтому идея, что мы будем делать какую-то другую музыку, кажется им чуть ли не предательством. Отчасти я это понимаю, но нельзя же позволять ностальгическим или сентиментальным порывам некоторых давних поклонников мешать естественному развитию группы. К счастью, очень многие готовы продолжить путешествие с нами, испытывать дивный неуют и рисковать, осваивая что-то новое.

На мой взгляд, ваш альбом 2013 года «Push the Sky Away» теперь выглядит вестником грядущих перемен, некоторые песни, такие как «Higgs Boson Blues» и «Jubilee Street», звучат как-то более вольно и менее линейно. Ты согласен?

Что ж, это, безусловно, важно, потому что именно тогда мы с Уорреном начали писать музыку вместе. В творческом плане для меня это стало глобальной переменной, и я никогда не ожидал, что так случится — что у меня будет полноценный соавтор, с которым я настолько совпадаю. Это было радикальное изменение, я совсем разочаровался в привычном подходе, когда я один пишу песню и представляю ее группе.

Можем ли мы поговорить о том, как создавался «Ghoseen», и особенно о творческой динамике между тобой и Уорреном?

Вероятно, большое новшество заключалась в том, что, когда мы писали «Ghosteen», Уоррен и я занимались чистой импровизацией. Я играл на пианино и пел, а Уоррен колдовал с электроникой, семплами, скрипкой и синтезатором. Ни один из нас не понимал, что мы делаем и куда движемся. Мы просто ловили звук, следуя зову сердца, и прислушивались друг к другу как напарники. Мы играли целыми днями практически без перерыва. Потом еще дольше просеивали все это и отбирали интересно звучащие фрагменты. Иногда это была лишь минута музыки или одна строчка. Ну а дальше — оставалось только из этих прекрасных разрозненных частей создать песни. Сперва — как будто коллаж или некий музыкальный конструктор. А затем на этом фундаменте мы выстраивали композицию.

Если позволишь, вы как будто слегка плыли по течению.

Нет, ничего подобного. Мы не просто два парня, которые не знают, что делают. Между нами — глубокое взаимопонимание и, конечно же, двадцать пять лет совместной работы. Это импровизация осознанная, импровизация интуитивная.

Под «интуитивной» ты имеешь в виду медитативную? Или продуманную?

Я хочу сказать, что она интуитивна, но в то же время продуманна, если так будет понятнее. Что касается текстов песен, я никогда не импровизирую с нуля. Это важно подчеркнуть. После невероятно долгих размыш-

лений я прихожу в студию с кучей идей и огромным количеством написанного текста, большая часть которого, кстати, выбрасывается. Тем не менее всегда присутствует, что называется, поэтический контекст, а также есть некоторые ключевые или связующие темы, которые волновали меня в течение нескольких недель или месяцев перед приходом в студию. Это очень раскрепощающий вид творчества.

Хотелось бы уточнить: ваша импровизация отличается от джазовой, когда музыкант импровизирует на мелодию или тему?

Нет, скорее, мы пытаемся прийти к привычной структуре песни через рискованный процесс импровизации, обрести форму при помощи музыкальных блужданий. Возможно, суть в том, что мы используем своего рода взаимное неведение в попытке поймать песню.

Полагаю, в неумелых руках этот процесс может пойти совершенно наперекосяк.

Ну, большую часть времени так и происходит. Но для того, чтобы записать пластинку, нужно всего лишь десять песен. Десять прекрасных случайностей, от которых перехватит дыхание. Нужно быть терпеливым и внимательным к маленьким чудесам, скрытым в обыденности. Один из удивительных талантов Уоррена — способность слышать потенциал в чем-то, что еще не сформировано и находится в зачаточном состоянии.

В этом смысле он неповторим. Он слышит вещи совершенно особенно.

Нам хорошо работается вместе еще и потому, что я могу видеть, как слова сплетаются вокруг только что родившейся мелодии, соединяя фрагменты, придавая ей смысл. Это визуальный навык — увидеть песню, разделить ее значением.

Значит, работая таким образом, в студии ты также часами педантично исправляешь стихи?

Нет-нет. Когда я работаю над песнями дома, их сочинение требует массы времени, размышлений, большого внимания и уважения к форме. А в студии я мясник, который не раздумывая отрубает ноги драгоценному созданию в мгновение ока. В некотором смысле стихи теряют самостоятельную ценность и становятся чем-то, с чем можно играть, что можно расчленять и перекраивать. Я по-настоящему рад, что достиг той стадии, когда отношусь к своим словам без всякой жалости.

Это выглядит довольно смелым, даже безрассудным способом сочинять.

Что ж, по сути, художник в момент импровизации крайне уязвим. Но это еще и путь к творческой свободе, безумным приключениям. Вещи, представляющие истинную ценность, зачастую появляются в результате музыкальных недоразумений. Наша импровизация редко бывает гармоничной. Часто это борьба

за господство, а затем внезапно на пару мгновений все сходится — немного похоже на ссорящихся любовников!

По темпераменту вы двое совершенно не похожи друг на друга, как мне кажется.

Да, но обычно мы на одной волне, даже если подходим к вещам совершенно по-разному. Какая-нибудь мелочь может раздражать меня и отвлекать от песни, в то время как Уоррен способен увидеть целое. Он куда интуитивнее меня. Он замечает красоту вещей быстрее. Это замечательный дар.

Но также надо понимать, что для Уоррена тексты далеко не так важны. Его гораздо больше интересуют эмоции, звучание и музыка. Он сразу скажет: «Это, мать твою, потрясающе!» — тогда как я буду сомневаться до последнего. Просто мне нужно больше времени, чтобы найти ключ к песне. Каким-то образом это наше различие создает правильную динамику.

Учитывая, сколько усилий ты прикладываешь для того, чтобы каждое слово было на своем месте, можно сказать, что процесс отбраковки и расчленения хоть и дает свободу, но может не годиться для определенных типов песен — скажем, для баллад?

Ну, такое нельзя было бы проделать со стихами Хэла Дэвида¹.

¹ Поэт Хэл Дэвид (1921–2012) и композитор Бёрт Бакарак (1928–2023) написали сотни шлягеров для таких звезд эстрады, как Дайонн Уорвик, Дасти Спрингфилд, Джин Питни, Том Джонс и др.

А что насчет некоторых твоих песен?

Да, это правда. Но я записал более двадцати альбомов и не могу из раза в раз делать одно и то же. Нужно хотя бы иногда ступать под покровы тайны, двигаться на ощупь в пугающем тумане неведения. Творческий импульс для меня — это часто шок, диссонанс, тревога. Он разрушает твои собственные представления о том, что приемлемо, подтачивает заветные истины. Это направляющая сила, которая ведет тебя, куда захочет. Не наоборот.

Я действительно почувствовал это, когда впервые услышал «Ghosteen». Не знаю, чего я ожидал, но эта музыка буквально застала меня врасплох, это был такой концептуальный рывок.

Что ж, рад слышать. Мы окунулись в такой интенсивный, часто загадочный процесс, когда его писали. Атмосферу в студии можно было резать ножом — настолько она была плотной, беспокойной и странной. Не уверен, смогу ли подобрать слова, но думаю, что главная красота «Ghosteen» в том и заключается, что мы с Уорреном едва контролировали не только сами песни, но и наш собственный рассудок.

Это заметно, но в хорошем смысле.

Ну, Уоррен в то время был в странном состоянии, его мучили собственные проблемы, а я пытался, ну, не знаю, связаться с мертвыми, что ли. Это было дикое,

призрачное время: не выходить из студии, работать, пытаться уснуть, работать, пытаться уснуть — из этого морока и родилась столь прекрасная, потусторонняя, чистая музыка.

Это духовное напряжение ощутимо. В музыке альбома чувствуется нечто возвышенное, почти экзальтированное.

Это было поистине: «О духи! Здесь вы в тишине / Витаете. Ответьте мне»¹. Я знал, что мы создаем что-то сильное, трогательное и оригинальное. Я был в этом уверен. А вот «Skeleton Tree» не имел для меня большого значения, даже когда мы прослушали его целиком в последний раз в студии. С гибели моего сына прошло слишком мало времени, чтобы я мог что-то чувствовать или ясно рассуждать.

Это понятно.

Да, и интересно, что я до сих пор слушаю «Ghosteen», ну, с неким трепетом, что ли.

Учитывая, насколько радикально «Ghosteen» отличался от сделанного раньше, были ли у вас какие-то опасения насчет того, как этот альбом будет воспринят?

Никогда нельзя предугадать, какой будет реакция, но, думаю, определенного неприятия мы ожидали. Я был в туре, когда мы сделали что-то вроде проморолика на «Ютьюбе» с красивой графикой. Я стал читать первые

¹ И. В. Гёте. Фауст. Часть первая, сцена 1. Перев. Н. Холодковского.

комментарии. Не знаю, на что я надеялся, но они были такими злыми! Да просто ужасными: «Какое дерьмо!», «Ник Кейв R.I.P.», блюющие смайлики — и все в таком духе. Так что я подумал — пластинка просто провалится в чертову черную дыру. Было очень больно. А потом вышли рецензии — и ситуация изменилась. Как будто люди вслушались в альбом — и постепенно прониклись им, изменили свое мнение. В общем, так все и шло. И критика приняла альбом очень тепло.

Довольно сложно описать атмосферу этой пластинки, не прибегая к таким словам, как «чудо» и «радость», которые, как ни странно, в некоторой мере ее принижают.

Что действительно было волнующим в плане текстов, так это то, что, импровизируя в студии, я смог найти слова, которые никогда бы не нашел, если бы сочинял песни у себя в кабинете, сидя за столом в одиночестве. Это было прекрасно.

Хорошо, тогда приведи пример строчки, которая могла быть придумана только таким образом.

Ну, самый очевидный пример — это, наверно, когда я снова и снова говорю-пою «And I love you» («И я люблю тебя») в песне «Spinning Song», а дальше «Peace will come» («Мир наступит»). Я бы никогда не смог записать что-то подобное на бумаге, но это, пожалуй, мой любимый момент на пластинке. Раньше эти фразы не

НИК КЕЙВ
ШОН О'ХАГАН
ВЕРА, НАДЕЖДА, РЕЗНЯ

Ответственный редактор АЛЕКСАНДР ГУЗМАН
Редактор МАРИЯ НЕСТЕРЕНКО
Художественный редактор ВАЛЕРИЙ ГОРЕЛИКОВ
Технический редактор МАРИЯ АНТИПОВА
Компьютерная верстка МИХАИЛА ЛЬВОВА
Корректоры АНАСТАСИЯ КЕЛЛЕ-ПЕЛЛЕ, УЛЬЯНА СМЕРНОВА

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 05.03.2025.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 7000 экз.
Усл. печ. л. 26,46. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака КоЛибри®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — КоЛибри® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. ш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-APR-34117-01-R